

Агата Кристи
Первая леди детектива

◆ *Agatha Christie* ◆

Агата Кристи – самый публикуемый автор всех времен и народов после Шекспира. Тиражи ее книг уступают только тиражам его произведений и Библии. В мире продано больше миллиарда книг Кристи на английском языке и столько же – на других языках. Она автор восьмидесяти детективных романов и сборников рассказов, двадцати пьес, двух книг воспоминаний и шести психологических романов, написанных под псевдонимом Мэри Уэстмакотт. Ее персонажи Эркюль Пуаро и мисс Марпл навсегда стали образцовыми героями остросюжетного жанра.

Многие произведения писательницы были превращены в пьесы, фильмы и телевизионные сериалы. Среди наиболее известных фильмов по ее произведениям – «Убийство в “Восточном экспрессе”» (1974 и 2017 гг.) и «Смерть на Ниле» (1978 г.). Роль Пуаро в этих фильмах сыграли знаменитые актеры Альберт Финни, Кеннет Брана и Питер Устинов соответственно. На телевизионном экране незабываемый образ великого сыщика создал Дэвид Суше, а мисс Марпл воплотили такие актрисы, как Джоан Хиксон, Джеральдин Макьюэн и Джулия Маккензи.

АГАТА
КРИСТИ

ЛОЩИНА

МОСКВА
2019

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
К82

Agatha Christie
THE HOLLOW

© 1946 Agatha Christie Limited. All rights reserved

AGATHA CHRISTIE, POIROT and the Agatha Christie Signature are registered trade marks of Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere. All rights reserved.

Agatha Christie Roundels Copyright © 2013 Agatha Christie Limited. Used with permission
<http://www.agathachristie.com>

Разработка серии *В. Половцева*
Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Кристи, Агата.

К82 Лощина / Агата Кристи ; [пер. с англ. А.С. Петухова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-100281-7

Пуаро приглашен на выходные отдохнуть в поместье своей знакомой, леди Энкейтлл, носящее название «Лощина». Прибыв на место, детектив видит удивительную скульптурную композицию: доктор Кристоу живописно лежит в луже красной краски, его жена Герда стоит над ним с пистолетом, а остальные гости застыли вокруг в «немой паузе». Однако действительность не имела ничего общего с искусством: красная краска оказалась кровью, да и пистолет в руках у женщины был самым настоящим. Налицо убийство. Пуаро выясняет, что погибший при жизни вел довольно запутанную личную жизнь и все его «привязанности» в данный момент находятся в «Лощине». Все улики указывают на жену Кристоу. Но Пуаро чувствует: тут что-то не так...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-100281-7

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

*ЛАРРИ И ДАНАЕ,
с просьбой простить меня за то,
что я использовала их бассейн
как место преступления*

ГЛАВА 1

В шесть часов тридцать минут в пятницу большие голубые глаза Люси Энкейтлл широко раскрылись навстречу новому дню, и, как всегда, сразу и окончательно проснувшись, она тут же занялась обдумыванием проблем, которые подсказывал ее необыкновенно деятельный ум. Чувствуя потребность немедленно с кем-то посоветоваться и выбрав для этой цели свою кузину Мидж Хардкасл, приехавшую к ним в «Лощину» вчера вечером, леди Энкейтлл выскользнула из-под одеяла и, набросив пеньюар на свои все еще грациозные плечи, направилась по коридору к комнате Мидж. По обыкновению, она тут же мысленно начала беседу, на ходу придумывая и ответы Мидж, поскольку обладала на редкость живым и богатым воображением. Так что когда леди Энкейтлл распахнула двери в комнату, где спала ее юная кузина, этот мысленный разговор был уже в полном разгаре.

— ...Поэтому, дорогая, ты, конечно, согласишься, что выходные обещают быть трудными.

— М-м, что такое? — невнятно пробормотала ничего спросонья не понимающая Мидж.

Леди Энкейтлл скользнула через комнату к окну, резко откинула занавеску и, подняв жалюзи, впустила в комнату бледный свет раннего сентябрьского утра.

— Птицы, — сказала она, глядя с явным удовольствием через оконное стекло. — Какая прелесть!

— Что?

— Погода, во всяком случае, не создаст дополнительных трудностей. Похоже, она установилась. Это уже хорошо! Если бы шел дождь, столько разных людей пришлось бы загнать в дом. Согласна, дорогая, это в десять раз хуже! Можно, конечно, придумать какие-нибудь игры, но, боюсь, получится как с бедняжкой Гердой в прошлом году. Никогда себе этого не прощу! Я потом говорила Генри, что это было очень необдуманно с моей стороны... Но мы, конечно, вынуждены приглашать ее, потому что было бы оскорбительно пригласить Джона и не пригласить Герду, хотя это как раз и создает трудности... И самое печальное то, что она в общем-то славная... Право, странно, что такой милый человек, как Герда, может быть начисто лишен сообразительности. Если это имеют в виду, говоря о законе компенсации одного качества за счет другого, по-моему, это совсем несправедливо!

— О чем ты говоришь, Люси?

— О выходных, дорогая! О гостях, которые завтра придут. Я всю ночь думала об этом и ужасно обеспокоена. Давай все с тобой обсудим. Мне будет намного спокойнее. Ты всегда так рассудительна и практична.

— Люси! — твердо сказала Мидж. — Ты знаешь, который теперь час?

— Признаюсь, нет, дорогая. Я этого никогда не знаю.

— Четверть седьмого, между прочим.

— Да, дорогая, — в голосе леди Энкейтлл не прозвучало и нотки раскаяния.

Мидж пристально посмотрела на нее. «Нет, — подумала она, — Люси положительно невыносима!

Не понимаю, и почему мы терпим ее странности?» Но едва у нее промелькнула эта мысль, Мидж уже знала ответ. Леди Энкейтлл улыбнулась, и Мидж, как всегда, почувствовала необычное ее очарование. Даже теперь, когда Люси было за шестьдесят, оно не изменило ей. Ради этого очарования столько разных людей: и иностранные представители, и высокопоставленные правительственные служащие, и государственные чиновники — стойко переносили недоумение, раздражение и даже досаду, вызванные общением с ней. Ее детская восторженность и непосредственность обезоруживали и сводили на нет всякую критику в ее адрес. Стоило только Люси, широко раскрыв свои голубые глаза и протянув тонкие, хрупкие руки, прошептать: «О, мне, право, так жаль!» — как всякое недовольство мгновенно исчезало.

— Дорогая! — произнесла леди Энкейтлл. — Мне так жаль! Ты сразу должна была сказать, что еще так рано...

— Вот я и говорю... Но теперь это уже не имеет значения: я совершенно проснулась.

— Какая жалость! Но ведь ты сможешь мне, не правда ли?

— Ты о выходных? Что случилось? Почему это тебя так беспокоит?

Леди Энкейтлл легко присела на край постели. «Как она не похожа на прочих людей, — подумала Мидж. — Совершенно бестелесна... Будто фея».

Леди Энкейтлл с восхитительной беспомощностью протянула к ней трепетные белые руки.

— Самые неподходящие люди, — сказала она. — Я хочу сказать, все вместе... Каждый из них сам по себе очень мил...

— Кто должен приехать? — Крепкой загорелой рукой Мидж отбросила со лба густые черные

10 волосы. Уж в ней-то ничего бестелесного и фееподобного точно не было.

— Конечно, Джон и Герда, — сказала Люси. — Само по себе это совсем неплохо. Я хочу сказать, Джон — прелесть и очень привлекателен, а бедняжка Герда... Мы все должны быть к ней очень добры. Очень-очень добры!

— Полно! Она не так уж и дурна! — возразила Мидж, движимая неясным для нее самой чувством защиты.

— Разумеется, дорогая, она просто трогательна. Эти глаза! И все-таки такое ощущение, что она не понимает ни единого слова из того, что ей говорят.

— Конечно, не понимает! — воскликнула Мидж. — Во всяком случае, она не понимает, что ты говоришь... И я не виню ее в этом! Мысли у тебя, Люси, невероятно стремительны, и слова за ними не поспевают, поэтому твоя речь делает удивительные скачки, а все соединительные звенья в ней отсутствуют.

— Как обезьянки... — задумчиво произнесла леди Энкейтлл.

— Кто еще будет, кроме Герды и Джона Кристоу? Наверное, Генриетта?

Лицо леди Энкейтлл посветлело.

— Да... вот на кого я могу положиться. Понимаешь, Генриетта по-настоящему добра, не только внешне. Она, конечно, поможет с бедняжкой Гердой. В прошлом году она была просто великолепна! Мы тогда играли в лимерик¹ или в слова, а может быть, в цитаты... что-то в этом роде, не помню

¹ Л и м е р и к — очень популярная в Англии разновидность шутивно-абсурдного стихотворения, состоящего обычно из пяти строк.

точно, и все уже написали и начали зачитывать написанное вслух, и вдруг выясняется, что бедняжка Герда и не начинала писать! Она даже не поняла, в чем заключалась игра. Мидж, это было ужасно!

— Ума не приложу, почему люди все-таки приезжают к вам в гости, — сказала Мидж. — Заумные разговоры, мудреные игры да еще к тому же твоя странная манера говорить!

— Ты права, дорогая, с нами, наверное, очень трудно... А для Герды просто, должно быть, невыносимо. Я часто думаю, если бы у нее хватило смелости, она бы оставалась дома... Но она все-таки приезжает, и вид у нее совершенно растерянный и какой-то жалкий, бедняжка. Джон в тот раз был ужасно раздражителен, а я просто ничего не могла придумать, как бы все сгладить... И тогда Генриетта — я ей так благодарна! — начала расспрашивать Герду о свитере, который был на ней. Нечто ужасное... какая-то дешевка унылого салатного цвета. Герда сразу оживилась, оказалось, она сама его и связала, и когда Генриетта попросила у нее фасон, Герда была невероятно горда и счастлива. Генриетта всегда делает то, что нужно. Это своего рода талант!

— Она действительно умеет помочь! — задумчиво сказала Мидж.

— И она знает, что надо сказать.

— О, тут дело не только в словах, — заметила Мидж. — Знаешь, Люси, ведь Генриетта на самом деле связала такой же свитер.

— О господи! — Леди Энкейтлл казалась озадаченной. — И она носила его?

— Да. Генриетта всегда все доводит до конца.

— Наверное, это было ужасно?

12 — Нет, на ней этот фасон смотрелся очень хорошо.

— Что ж, я не удивляюсь. В этом разница между Генриеттой и Гердой. Все, что делает Генриетта, она делает хорошо, и все у нее получается. Я думаю, Мидж, если кто и поможет пережить эти два дня, так это Генриетта. Она будет мила с Гердой, позабавит Генри, поддержит в хорошем настроении Джона и, я уверена, поможет с Дэвидом...

— Дэвидом Энкейтллом?

— Да. Он только что из Оксфорда... или из Кембриджа¹. Такой трудный возраст, особенно для юношей мыслящих (Дэвид действительно умен!). Хорошо бы, однако, они попридержали свой интеллект при себе, пока немного не повзрослеют, а то только и умеют, что краснеть от злости и грызть ногти. Да еще эти прыщи, и так смешно у некоторых выступает кадык... Эти юнцы или вообще молчат как рыбы, или, наоборот, спорят со всеми до хрипоты. Я очень надеюсь на Генриетту! Она удивительно тактична и задает только нужные вопросы. К тому же она скульптор, и все относятся к ней с уважением. А лепит не каких-то там зверюшек или детские головки. У нее очень современные вещи, вроде той странной штуковины из металла и штукатурки, которую она выставляла в прошлом сезоне. Что-то напоминающее стремянку, как у Хита Робинсона², которая называлась «Восходящая мысль»... или что-то в этом роде. Как раз то, что могло бы произвести впечатление на Дэвида. Хотя, по-моему, это просто чужь.

¹ Кембридж — один из крупнейших и старейших университетов в Англии, основан в XII веке.

² Так говорят о нелепых по сложности устройства машинах и механизмах. По имени журналиста У. Хита Робинсона (1872–1944).

— Дорогая Люси, что ты говоришь!

— Безусловно, некоторые ее вещи очень милы. Например, «Плачущая девушка».

— Генриетта, по-моему, отмечена гениальностью, к тому же она очень хороша собой и прекрасный человек, — сказала Мидж.

Леди Энкейтлл встала и снова скользнула к окну. Она рассеянно играла портьерными шнурами.

— Интересно, почему именно желуди? — прошептала она.

— Какие желуди?

— Желуди на шнурах, придерживающих портьеры... или, например, ананасы на столбах ворот... Я хочу сказать, должен же быть в этом какой-то смысл. Ведь можно было бы сделать шишку или грушу, но почему-то всегда желуди. Мне всегда это казалось странным.

— Не перескакивай на другое, Люси! Ты пришла поговорить о предстоящих выходных, а я так и не поняла, что же тебя волнует. Если ты воздержишься от интеллектуальных игр и попытаешься не вести заумных разговоров с Гердой, а Генриетте поручишь приручить Дэвида... В чем тогда трудности?

— Видишь ли, дорогая, будет Эдвард.

— О, Эдвард! — Мидж минуту помолчала. — Люси, с какой стати ты пригласила Эдварда?

— Я его не приглашала, Мидж. В том-то и дело! Он сам напросился. Телеграфировал, можем ли мы его принять. Ты ведь знаешь Эдварда... Если бы я ответила «нет», наверное, он никогда больше не осмелился бы просить разрешения приехать.

Мидж задумчиво кивнула. «Да, — подумала она, — Эдвард действительно такой». На секунду она ярко представила себе его лицо, такое дорогое, такое бесконечно любимое. В нем было что-то от

14 очарования Люси... но более мягкое, застенчивое, чуть ироничное.

— Милый Эдвард, — произнесла Люси, словно отозвавшись на мысли, бродившие в голове Мидж. — Ах, если бы Генриетта решилась наконец-то выйти за него замуж, — продолжала нетерпеливо Люси. — Она его любит, я знаю. Если бы им удалось провести хоть одни выходные без Джона Кристоу. Джон Кристоу очень неблагоприятно действует на Эдварда. Когда они вместе, Джон становится еще больше самим собой, еще лучше, а Эдвард делается еще меньше похожим на самого себя. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Мидж снова кивнула.

— Я не могла отказать в этот раз Кристоу, ведь их приезд был давно решен, но чувствую, Мидж, что все это будет очень сложно: Дэвид, с досадой грызущий ногти; Герда, которую надо чем-то занять; Джон, такой положительный, и наш милый Эдвард, который рядом с ним почему-то всегда тушует.

— Да, ингредиенты пудинга не очень многообещающие, — пробормотала Мидж.

Люси ответила ей улыбкой.

— Иногда, впрочем, — заметила она задумчиво, — все складывается само собой. Я пригласила к воскресному ленчу специалиста по преступлениям.

— Преступлениям?

— Голова как яйцо, — продолжала леди Энкейтл. — Он расследовал какое-то убийство в Багдаде, когда Генри был там верховным комиссаром. А может быть, после этого... Мы пригласили его тогда на ленч; был еще кое-кто из чиновников. Помню, он явился в белом парусиновом костюме

с розовым цветком в петлице и черных лаковых ботинках. Я плохо помню, в чем там было дело, потому что меня совершенно не интересовало, кто кого убил. Я хочу сказать, если человек мертв, как-то уже не имеет значения почему, и, по-моему, глупо поднимать вокруг этого столько шума.

— У вас здесь случилось какое-то преступление, Люси?

— О нет, дорогая. Просто он недалеко живет — в одном из этих новых нелепых коттеджей. Ну, знаешь — низкие балки, о которые постоянно стучаешься головой, очень хорошая канализация и никудышный сад. Но лондонцам нравится. Другой коттедж, кажется, занимает актриса. Они живут наездами — не постоянно, как мы. И все-таки, — леди Энкейтлл задумчиво прошла через комнату, — наверное, это их устраивает. Мидж, дорогая, ты так помогла мне, так мило с твоей стороны.

— Мне не кажется, что от меня было много пользы.

— Ты так думаешь? — Люси Энкейтлл казалась удивленной. — Ну а теперь иди хорошенько выспись и не торопись к завтраку, а когда встанешь, можешь грубить, сколько тебе захочется.

— Грубить? — удивилась Мидж. — Почему? О, понимаю! — Она засмеялась. — Ты необыкновенно проницательна, Люси! Пожалуй, я ловлю тебя на слове.

Леди Энкейтлл улыбнулась и вышла. Проходя по коридору, она увидела в открытую дверь газовую горелку и чайник, и ее тотчас осенила идея. Все любят утренний чай, это она знала... а Мидж теперь к завтраку не добудишься. Она сама приготовит чашку чаю для Мидж. Леди Энкейтлл поставила